

О.Г. Орлова

Кемеровский государственный университет

**Индивидуально-авторское представление о воле
в рассказе Тэффи «Воля»**

Аннотация: В статье рассматривается индивидуально-авторское представление Тэффи о воле на материале рассказа Тэффи «Воля». Наблюдения суммируются в виде модели, структуры концепта, в которую входят признаки концепта, в целом коррелирующие с коллективным представлением о воле русскими, зафиксированным в словарях, художественных произведениях, научном лингвистическом и философском дискурсе.

The article discovers the individuality of mental unities – concepts. It is devoted to one of the national Russian concepts – *volya* – in Tefii's story «Volya». It describes the structure of the concept, how it correlates with the understanding of *volya* by some scientists and Russians as mental collectivity.

Ключевые слова: концепт воля, национальный концепт, художественный концепт, структура концепта.

Concept «volya» (freedom), national concept, belle-letter concept, structure of a concept.

УДК: 81'1.

Контактная информация: Кемерово, ул. Красная, 6. КемГУ, филологический факультет. Тел. (3842) 582745. E-mail: orlovaog@mail.ru.

Концепт *воля* в отличие от других концептов русского языка, отражающих особенности русской ментальности, является парным концептом. Смысловая пара этого концепта – *свобода*. Проведенные в этой области исследования показывают, что эти два концепта чаще всего противопоставлены.

Подходы к концептуальной паре «воля» – «свобода» и отдельным концептам можно найти у А. Вежицкой, В.Н. Топорова, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, А.Д. Кошелева, Д.С. Лихачева, философское его осмысление у В.Г. Белинского, Н.А. Бердяева и др.

А.Д. Шмелев, ссылаясь на Д.С. Лихачева, указывает на ассоциированность воли с бескрайними степными просторами. Кроме того, русское понятие воли берет свое начало в архаическом противопоставлении мира своего, обжитого, устроенного пространства, и воли как пространства чужого, неустроенного, уклоняющегося от нормы [Шмелев, 2002, с. 343].

А. Вежицкая отмечает, что этимологическая связь омонимов *воля* в значении *свобода* и *воля* в значении *желание* очевидна и влияет на синхронную семантическую связь: *воля* означает *делать то, что захочется*. Употребление *воли* в значении *открытый воздух* «указывает в том же направлении: внутри дома человек испытывает ограничения – не потому, что его заставляют делать вещи, которые он не хочет, а потому, что он не может делать определенные вещи, которые он может захотеть (свободно двигаться в различных направлениях), – тогда как на открытом воздухе человек может пойти, куда захочет» [Вежицкая, 2001, с. 244]. Поэтому противоположностью воли выступает не рабство, а тюрьма, как физиче-

ское ограничение пространства, не позволяющее пойти куда угодно. Это противопоставление – более позднее значение, развившееся из *жизни не в заключении*. Связь воли с возможностью уйти прочь А. Вежицкая видит в многовековом крепостном праве, которое лишало возможности русского крестьянина менять место жительства. «Воля состояла в мечте о том, чтобы бежать оттуда, где тебя удерживают против твоей воли, идти, куда хочешь, и жить по своей воле, без ограничений» [Вежицкая, 2001, с. 245]. Пространственный компонент поэтому является неотделимым в значении воли.

Н. А. Бердяев свободу противопоставлял не воле, а рабству, причем описывал два вида рабства – от природы, от социального в человеческом мире. От рабства природного человек борется с помощью техники, в этом смысле осознанная необходимость есть свобода. «У человека, задавленного условностью цивилизации, ее поработавшими нормами и законами, есть жажда периодически возвращаться к первожизни, к космической жизни, обрести не только общение, но и слияние с космической жизнью, приобщиться к его тайне, найти в этом радость и экстаз... Слияние с космической жизнью представляется свободной жизнью, свободным дыханием» [Бердяев, 1993, с. 180–181]. Такая жажда приобщения к первостихии, к абсолютной свободе есть космическое прельщение, «экстатический выход за пределы личного существования в космическую стихию» [Там же, с. 183].

Сопоставлением *воли* и *свободы* занимался Г. Федотов: воля, по его мнению, занимает в русской культуре более центральное место, чем свобода. Воля – это то, о чем мечтает и поет народ, на что «откликается каждое русское сердце. Слово свобода до сих пор кажется переводом французского *liberté*. Но никто не может оспаривать русскости воли. Тем необходимее отдать себе отчет в различии воли и свободы для русского слуха» [Федотов, 1981, с. 183]. «Воля есть прежде всего возможность жить, или пожить, по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями. Волю стесняют и равные, стесняет и мир. Воля торжествует или в уходе из общества, на степном просторе, или во власти над обществом, в насилии над людьми. Свобода личная немыслима без уважения к чужой свободе; воля всегда для себя. Она не противоположна тирании, ибо тиранин есть тоже вольное существо. Разбойник – это идеал московской воли, как Грозный идеал царя. Так как воля, подобно анархии, невозможна в культурном общежитии, то русский идеал воли находит себе выражение в культе пустыни, дикой природы, кочевого быта, цыганщины, вина, разгула, самозабвения страсти – разбойничества, бунта и тирании» [Там же].

Изучению концепта «воля», направленному на определение его содержания, посвящена работа Н. М. Катаевой [Катаева, 2005]. Исследовательница рассматривает концепт в трех группах источников эмпирического материала: словарных данных, материалах психолингвистического эксперимента, целостном художественном тексте.

По материалам этимологических словарей, слово воля имеет индоевропейское происхождение и связано с процессуальной семантикой глагола *веле*ть. Поэтому в ядре семантики *воли* располагается сема *направленное желание*. «Это состояние желания, намерения, локализованное во внутренней сфере человека и ориентированное вовне» [Там же, с. 44]. В исторических и современных толковых словарях исследовательницей обнаружена следующая экспликация воли – *полное отсутствие стеснений, ограничений и действовать исключительно в соответствии со своим желанием*. Фиксируется также историческая связность с омонимичным значением воли как *способности добиваться осуществления поставленных перед собой целей, осуществления стремлений*.

По сравнению с волей, в слове *свобода* на первый план выходят семы *сам*, *свой*, *персона*, т.е. *свобода* подразумевает человека как существо социальное. Свобода – универсальная идея, отраженная во всех европейских языках и подразумевающая *возможность действовать по своей воле*. Воля имеет национально-

культурную специфику, закреплённую в фольклоре. Воля – это беспредельный простор, в силу своей беспредельности оцениваемый неоднозначно: *Дай душе волю, захочет и боле*. Жить в неволе нелегко, но лучше, чем в неволе: *Хоть хвой-ку жую, да на воле живу*. Вместе с тем воля не вечна.

В ядре концепта *воля* находятся смыслы независимость, отсутствие границ, рамок и условий, предполагающее действия в соответствии только со своими желаниями. *Свобода* отличается от воли проявлением субъектом своей воли на основе осознания им законов природы и общества. В околядерную область концепта *воля* входят смыслы ‘стихийная, представляющая ценность, любимая / дорогая, оказывающая разрушающее действие’.

Изучению концепта *воля* посвящена работа Н.М. Петровых «Концепты *воля* и *свобода* в русском языковом сознании» [Петровых, 2002]. Сопоставив данные этимологических и толковых словарей русского языка, автор исследования также провела лингво-ассоциативный эксперимент и пришла к выводам, что только 43% информантов ощущают четкую семантическую границу слов «свобода» и «воля». Воля ассоциируется с простором, ветром, птицей, небом, пространством, полетом, счастьем, жизнью, стихией, раздольем. Негативный вектор ассоциаций связан со стихийностью воли и ее переизбытком, в частности с разгулом, произволом, беззаконием, одиночеством. Свобода ассоциируется с демократией, законом, равенством, братством, творчеством, деньгами и включает такие смыслы, как независимость, ответственность, право. Далее автор анализирует роман В. Шукшина «Я пришел дать вам волю» на предмет выяснения смыслов *воли* как ценностной доминанты русского бунта. В понимании В. Шукшина, воля – это освобождение от социального гнета, в конечном итоге приводящее к духовному раскрепощению. Степан Разин – это воплощенный бунт русского человека, средоточие национального характера, ощущающий волю как чувство, как желание сделать что-то ненормальное, по В. Шукшину, «вывихнуться». Коннотативный фон воли – простор, степь, Дон, Волга, а также праздник, разгулье. Воля, понимаемая как сценарий, предполагает анализ таких структур, как роли, динамика развития сюжета, хронотоп. Ролевое распределение в сценарии воли В. Шукшина таково: С. Разин с точки зрения бунтовщиков маркируется как вожак, «надёжа», батька, бог, с точки зрения властей – богоотступник, изменник, злодей. Степан Разин одержим волей, только при таком условии он мог стать вожаком и предводителем, а воля для русского – отрицание власти. Исконно русская воля обречена быть утопией, кровавым пиром, приводящим к старому положению дел. Динамика развития сюжета о воле такова: пробуждение воли связывается с утром природы, весной, гибель мечты о воле – ее зимой, поэтому хронотоп сценария воли – природа. Сопоставив такое понимание воли В. Шукшиным с трактовкой свободы в западно-европейской философии, Н.М. Петровых приходит к заключению о том, что свобода – это состояние духа, воля – это состояние души. Свобода понимается как самотворчество, как духовное строительство. Воля же – отрицание любых рамок, безграничное утверждение своего собственного желания, часто даже в нарушение закона и права.

Изучением воли занималась О.И. Митрофанова [Митрофанова, 2004]. В статье «Сравнительный анализ концепта “воля” в поэзии А.С. Пушкина и П.А. Вяземского» исследовательница предлагает методику изучения концепта, которая заключается в последовательном изучении этимологии, семантического поля концепта, в которое входят смыслы *воля внутренняя*, *воля снаружи*, *внешняя воля*, словообразовательного гнезда, синонимов и антонимов.

Исследование Р.И. Веселовой посвящено изучению концепта *воля* на материале трудов В.И. Даля: повестей, рассказов, очерков, сказок, словаря и сборника пословиц. Концепт рассматривается автором как содержащая вербализованное знание единица, структурный элемент единой лингвоментальной сущности (язык, мышление, сознание, культура). Концепт объективируется в установках на дейст-

вие и в поведении, становясь элементами этнокультурного пространства, и этот тезис успешно доказан проведенным исследованием. Так, В.И. Даль испытывал влияние интересовавшей его народной культуры на когнитивную, эстетическую, мировоззренческую сферы. «Толковый словарь живого великорусского языка» зафиксировал христианское православное толкование воли, что выразилось в метаязыке словаря: при толковании *воли*, Даль обращает читателя к словарным статьям *человек, душа, дух, нрав, разум, истина, закон, вера, любить*. Человек отличается от животного разумом и волей. «Христианство представляет человека наделенным свободной волей, поскольку это качество дает личности возможность осуществлять нравственный выбор, который и составляет сущность теоцентрического бытия христианина» [Веселова, 2006, с. 71]. Даль близок к такому пониманию воли, которое зафиксировано в поговорках. Пословицы противопоставляют понятия *воля – доля (крестьянский быт) (Не в воле счастье, а в доле)*, локализуют в пространстве *волю – там* (Туречина), *долю – здесь* (Россия, своя доля).

С.А. Лишаев в работе «Эстетика простора (простота, пустота, чистота, воля)»¹ осмысливает волю с философско-эстетической точки зрения. Воля переживается человеком как нечто абсолютно привлекательное, потому что обычная событийность воли – это событийность простора, простого чистого пространства. «Что может быть проще *отделенности земли (воды) от неба?* Под простором подразумевается открытое, обширное пространство, *воспринимаемое по горизонтальной*. На просторе *ничто не нарушает чистоты зрительного поля*, по которому туда и сюда, слева – направо, справа – налево гуляет наш не встречающий преград взгляд» [Лишаев, 2007]. Привлекательность простора, воли (*воля манит, голоса уводят на волю*) заключается в некоторых открытых возможностях: пустота, чистота простора впускает в себя любые возможности. **«Пустота простора впускает возможность»**. Простор – это впускающее пространство, пространство как опыт, как чувство, как расположение. Простор – не “какое-то” пространство, а пространство как таковое, *возможность быть у места, возможность быть уместным*. Простор – это *пространство как эффект* впускающей вещи *простоты* (пустоты) *ни-что...* И хотя с точки зрения науки и здравого смысла ни одно из окружающих нас пространств в принципе не может быть “не-объятным”, “безграничным”, “бес-конечным”, однако в силовом поле просторного расположения оно – фактически – переживается нами как необъятное и бесконечное *в момент, когда* (и “до тех пор, пока”) *оно есть для нас чистая распростертость, безусловная возможность иметь место* [Там же]. На просторе видимая его пустота ощущается как бескрайнее проявление воли пойти куда угодно, делать что угодно. «Простор – это *возможность беспрепятственного движения “в любую сторону”*. Если концепт воля указывает на 1) желание и на 2) возможность / силу его осуществления, то ясно, что жить «по своей воле» оказывается тем затруднительнее, чем больше встречается ей (воле) природных и социальных препятствий в виде гор, оврагов, лесных зарослей..., улиц, других людей (воль), социальных институций... Эта добровольно и / или принудительно (волей-неволей) поставленная в определенные рамки воля оказывается (в условиях семьи, деревенской общины, города, государства) или **неволей**, или **свободой** как добро-вольно наложенным на собственное “хочу / не хочу” ограничением (первым таким ограничением было, вероятно, ограничение полового влечения, похоти). Свобода в этом смысле – это воля в культуре, воля, сама себя ограничивающая, это добро-вольное удерживание себя “в рамках”. Такую укорененную в Ничто способность Н.А. Бердяев назвал *первой* или *иррациональной свободой*, но мне кажется, что, мысля по-русски, здесь было бы уместнее говорить о воле (о чистой воле, о воле в ее истоке). А постольку, поскольку воля руководствуется принципом (религиозным, моральным, правовым), можно говорить *о свободе как о воле, осуществ-*

¹ Выделено в цитатах нами. – О.О.

ляющей контроль над желаниями (о воле-свободе): одни желания воля-свобода допускает и осуществляет, другие ограничивает, третьи – не допускает вовсе. Эту свободу (как свободу выбора) Бердяев назвал *второй, рациональной свободой*.... У обузданной воли или, точнее, свободы имеется пространственный эквивалент – пространство улиц и площадей, пространство интерьеров жилищ и общественных зданий, производственных и конторских помещений. Соответственно, его восприятие как возможности движения **ограничено здесь спектром определенных траекторий пространственного перемещения: возможность занять другое место в ее чистоте** (простор) не становится здесь “предметом” эстетического переживания» [Лишаев, 2007].

Данная статья посвящена рассмотрению индивидуально-авторского представления о воле на материале рассказа «Воля» Тэффи (1872–1952). Концепт *воля* является лингвокультурным концептом, т.е. таким ментальным образованием, вокруг которого сконцентрированы важнейшие культурные ценности и смыслы. С помощью лексических единиц, приписывающих концепту признаки и актуализирующих их, у исследователя есть возможность декодировать и систематизировать эти национально и культурно значимые смыслы. Безусловно, воля – это русское чувство, в некотором смысле в других языках и культурах не представленное или представленное частично, через неполные эквиваленты. Можно утверждать, что концепт «обладает национальной спецификой, то есть содержит часть сем, известных одному народу и неактуальных для других народов (русское *тоска*, австрийское *нейтралитет*, немецкое *порядок* и т.д.). Национальные концепты можно обнаружить через лакуны в других языках» [Попова, Стернин, 2002].

Национальная картина мира, реализованная в каждом конкретном художественном произведении, претерпевает изменения, обусловленные индивидуальным восприятием мира. В то же время, «любой художественный текст дает основание говорить об автономности восприятия культурных концептов, о некоторой универсальной трактовке этих субстанций. То, что автор подразумевает под культурно значимой единицей, раскрывается в рамках произведений. Контекст создает условия для адекватного понимания заданной языковой единицы. В контексте происходит моносемантизация культурно значимой лексической единицы, возникает сеть ассоциативных связей с другими словами, увеличивается ее семантический объем. Однако, трактовка той или иной универсалии требует включения ее в более широкий (вертикальный) контекст для изучения на имплицитном уровне» [Митрофанова, 2004, с. 164].

В последнее время когнитивная лингвистика вводит в научный дискурс понятие художественного концепта (сам термин предложен С.А. Аскольдовым). Ученые рассматривают природу и сущность художественных концептов, их структуру, типологию, взаимодействие в рамках текстовой системы. В таких исследованиях валидными представляются положения об антропоцентричности концепта как ментального образования, о семантической корреляции мира художественного и мира реального. Национальный концепт выражает мировосприятие «усредненной» языковой личности, «концепт как фрагмент индивидуального образа мира отражает мировосприятие конкретной языковой личности» [Макарова, 2008, с. 167]. Под художественным концептом понимается «индивидуально-авторское осмысление общих ментальных сущностей, получающее свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений того или иного автора с помощью оригинальных (в основном – образных) средств вербализации» [Там же]. При анализе художественного концепта наиболее важным оказывается лексический уровень текста.

Обратим внимание на то, что воля – центральный концепт рассказа, вынесенный в его заглавие. Центральное положение концепта поддерживается сильными позициями текста – эпиграфом и окончанием рассказа. В эпиграф вынесены слова новгородской народной песни: «Вольно, мальчик, на воле, На воле, маль-

чик, на своей!». Окончание рассказа реализует ключевые признаки концепта, актуализированные в тексте рассказа: «И я, сама не зная как, поднимаю руки и машу заре и дикой песне, и смеюсь, и кричу: – Воль-но-о-о!». В концентрированном и амальгамированном виде воля представлена как состояние не осознаваемое, связанное с ощущением физической раскованности, гармонии с природным, диким, которое может быть выражено с помощью звуков – крика, смеха.

Опишем методику исследования. В целом, применялась традиционная для концептуальных исследований методика, которая заключается на первом этапе в выявлении лексических средств, которые репрезентируют концепт. Для концепта *воля* это, прежде всего, лексема «воля». Заметим, что анализ словарных данных с целью выяснения этимологических, мотивационных признаков концепта в рамках данного исследования не проводился, так как это уже неоднократно проделывалось другими исследователями (см., например, работы: Р.И. Веселовой, Н.М. Катаевой, О.И. Митрофановой, Н.М. Петровых). Более релевантным казалось выявление индивидуально-авторского представления о воле Тэффи, выяснение наличия в его структуре неконверсационных значений. Так, в рассказе Тэффи *воля* репрезентируется с помощью предложных, местоименных, именных и глагольных словосочетаний, анализ которых позволил выделить набор признаков, приписываемых *воле*.

Таблица 1. Способы репрезентации концепта

словосочетания	признак
На воле вольно; голоса громче зовут на волю; на вольной волюшке; жил на воле; весна манит на вольную волю	Горизонтально расположенное пространство (+время); пространственный признак (метафора)
Воля непереводама; воля – не то, что свобода (<i>«Свобода» переводится на все языки и всеми народами понимается</i>).	Признак слова
Воля ни с чем не считается	Человек; антропоморфный социальный признак (метафора)
Воля – чувство (русское); чувствовал волю	Признак эмоции
Призыв воли	Живое существо; признак голоса
на своей воле	Признак принадлежности
Признался – вольной воле конец	Признак «конечности» переживания воли

Носителем *воли* является человек: человек *волю* переживает и как чувство, состояние души, и как простор с его эстетикой.

Таблица 2. Базовый биполярный чувственный образ концепта

Человек на воле Природа Русский	Свободный человек Цивилизация Запад	Признак
<i>Мы русские, не так оторваны от природы, как европейцы, культура лежит на нас легким слоем, и природе пробиться через этот слой проще и легче. Весной, когда голоса проснувшейся земли звучат громче и зовут громче на волю, – голоса эти уводят. Как дудочка</i>	<i>Свобода – <u>liberte</u>, законное состояние гражданина, не нарушившего закона, управляющего страной. Свобода законна, «Свобода» переводится на все языки и всеми народами понимается. ... в других странах порядок строже и жизнь обеспечен</i>	Природа – цивилизация Русское – Западное Время

<i>средневекового заклинателя уводила из города мышей.</i>	<i>нее, так что нет ни воз- можности, ни смысла бро- сать родное гнездо.</i>	
Без границ, без пути, без дороги	По улице, в парк, в ресторан	Пространство
Без шапки	Шляпа на затылке	Внешний вид человека
Летит мимо птица; Ветер попутный	Проходя мимо часовщика	Природа – цивилизация
Крик, смех	В зубах папироска; свист	Звук
Машет руками	Руки в карманах	Состояние физической рас- кованности – скованности человека

Таким образом, в ядре концепта *воля* располагается базовый чувственный образ (терминология З.Д. Поповой, И.А. Стернина), имеющий биполярную структуру. Образ человека на воле противопоставлен образу свободного человека, т.е. *воля* познается через сопоставление и сравнение со *свободой*. *Воля* свойственна человеку русскому, так как цивилизация лежит на русских легким слоем. *Воля* связывается с активным временем года – весной, ассоциирующейся с пробуждением, активизацией сил природы для того, чтобы дать жизнь новому и принести закономерные плоды. Это утро жизни. Эти тайные голоса природы манят на волю весной. Свобода переводится автором рассказа на французский язык *liberté*, что подчеркивает универсальность этого понятия, а также его «западную» принадлежность. Это установление цивилизации, состояние гражданина, не нарушающего закона, т.е. подчиняющегося порядку. В этом смысле значимо авторское сравнение: «Как дудочка средневекового заклинателя уводила из города мышей» [Тэффи, 2003, с. 78]. Состояние воли не связывается с городским локусом, зов воли – это дудочка, которая уводит из города, заставляет выпрыгивать из вагона и шагать пешком, без дороги.

Человек на воле противопоставлен человеку свободному по ряду признаков. Пространственные признаки, приписываемые человеку на воле (*без границ, без пути, без дороги*), противопоставлены признакам свободного человека (*по улице, в парк, в ресторан*)¹. Внешне человек на воле отличается от свободного человека своим «нецивилизованным», «диким» видом: он без шапки, в то время как у свободного шляпа сдвинута на затылок. Наличие на голове шляпы (признак культуры, цивилизации) становится важным признаком свободы в индивидуально-авторской художественной картине мира Тэффи. Так, например, вольный Спиридон-Поворот характеризуется наличием на голове непонятно какого головного убора, «*вплоть до бабьей косынки*», т.е. культура вольному не свойственна. Вольному сопутствует живая и неживая природа: ветер ему попутный, летит мимо птица. А свободному сопутствуют опять же установления цивилизации, в частности, часовщик. Признаки звука, приписываемые вольному человеку, – крик, смех. Свободному характерно издавать свист или зажимать в зубах папиросу: оба этих действия связаны с замкнутым положением губ, которое дублируется состоянием физической скованности: руки у свободного в карманах. Вольный же человек машет руками, он ощущает себя на воле подобно птице.

На следующем этапе анализа структуры концепта выяснялись его признаки. Так, *воля* имеет пространственную и временную локализацию на просторе – это горизонтально воспринимаемое пространство, как правило, не ограниченное до-

¹ Ср. у А.Д. Шмелева: «...Свобода ассоциируется скорее с жизнью в городе (недаром название городского поселения слобода этимологически тождественно слову *свобода*, отличаясь от него лишь вследствие диссимилиации губных)». Далее А.Д. Шмелев ссылается на Д. Орешкина: «Свобода (слобода) – от самоуправляемых ремесленных поселений в пригородах, где не было крепостной зависимости» [Шмелев, 2002, с. 344–345].

рогами, или глухой лес, и утром, весной. Переживает волю в основном человек, что выражается в различных эмоциях – томления, восторга, а физически – в звуках: звуки издает и человек (смеется, кричит, поет), и природа (медведь музицирует, ручьи журчат, собаки лают).

Таблица 3. Признаки концепта воля

Признаки	Примеры, количество	%
Пространственные	<i>В лесу; в лес; в глухом лесу; в северные леса; по дорогам; по тропочкам; по целине; вдоль; поперек; по дороге; без границ, без пути, без дороги (13)</i>	15,11 %
Временные	<i>весна; лето; май; ночь, часа два; ранней весной (6)</i>	6,9 %
Звуковые	<i>Дикий голос; крик; смеешься; музыка; загудит; затрепещит; зацелкают; заурчит; музицирует; звякает колокольчик; покрикивает мальчик; орет во все горло песню; смеюсь, кричу; дикая песня; собачий визг; ревели; рычали; воздух шумел; река звенела; ручьи журчали; звон; шорох; шепот; вскрики; рифма; стихи; звон (28)</i>	32,5%
Природоцивилизации	<i>Дикий голос; выпрыгнет из вагона, пойдет пешком; дикая песня; Мы русские, не так оторваны от природы, как европейцы, культура лежит на нас легким слоем, и природе пробиться через этот слой проще и легче. Весной, когда голоса проснувшейся земли звучат громче и зовут громче на волю, – голоса эти уводят. Как дудочка средневекового заклинателя уводила из города мышей. (8)</i>	9,3 %
Эмоциональные	<i>припев истошный, из души; воля – чувство (русское); чувствовал волю; ночи не приносили покоя; люди томные; влюбляться; цель русской души; пьяный, рваный, веселый и даже восторженный; от любви и восторга; изойдешь в этом крике такой первобытной радостью (14)</i>	16,27%
Антропоморфные физические: состояния физической раскованности человека	<i>поднимаю руки и машу заре и дикой песне; машет руками (3)</i>	3,4%
Антропоморфные физические: внешнего вида человека	<i>Шагает такой Спиридон-Поворот по дороге, на голове самая неожиданная шляпа-ермолка, скуфейка, панама без верха, одна туля, шапожак. Все, что угодно, вплоть до бабьей косынки. Ноги босые, в опорках, за спиной котомка или узел, на поясе, сбоку, жестяной чайник. Идет, словно его наняли, а и сам не знает, куда и зачем. (3)</i>	3,4%
Антропоморфные социальные	<i>крестьянские дети, дети богатых буржуазных семей и интеллигентной среды; тысячи бродяг; беглые монахи, купеческие сынки, поповичи; здоровый малый, кончил училище, был произведен в офицеры; мой двоюродный брат, пятнадцатилетний кадет (11)</i>	12,7 %

Итак, структура концепта воля может быть описана следующим образом. Ядро концепта – базовый биполярный чувственный образ, в котором человек на воле противопоставлен свободному человеку. Ситуация человека на воле может быть

описана как фрейм-структура, в которую входят признаки состояния счастья от нахождения на воле и независимости, ощущения себя в гармонии с природой подобно птице или ветру.

Ценностные признаки – это те, которые имеют культурную обусловленность и закреплены в базовом образе посредством оппозиции *природа – цивилизация, русское – западное*. Воля ассоциируется с природным, естественным, даже «диким» состоянием человека и является исконно русским чувством. «Мы, русские, дети старой России, рождались с этим чувством воли» [Тэффи, 2003, с. 77].

Образные признаки – сопоставляющие волю с явлениями, данными восприятию непосредственно, воспринимаемые с помощью органов чувств – *пространственно-временные; звуковые*; признаки, связанные с физическим, социальным и эмоциональным состоянием человека – *антропоморфные социальные, физические, эмоциональные*. Количественное сопоставление представленности различных признаков в структуре концепта позволяет сделать вывод о релевантности определенных признаков концепта в индивидуально-авторской художественной картине мира Тэффи. Наиболее представлены признаки звука (32,5%). Воле приписываются звуки природного происхождения, гармоничные звуки (*рифма, музыка*). На втором месте по представленности в тексте рассказа – признаки эмоции (16,7%). Воля – это чувство, связывается с определенным состоянием души, радостным, восторженным. На третьем месте по представленности признаки пространственные, потому что воля воспринимается неотделимо от простора, горизонтально воспринимаемого пространства, не ограниченного никакими социальными установлениями, дорогами, поездами, тропинками.

Литература

- Бердяев Н.А. Природа и свобода. Космическое прельщение и рабство человека у природы // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. М., 1993. С. 179–185.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Пер. с англ. А.Д. Шмелева. М., 2001. С. 241–247.
- Веселова Р.И. Воля // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина: В 3 т. Волгоград, 2006. Т. 3. С. 67–85.
- Катаева Н.М. Воля // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина: В 3 т. Волгоград, 2005. Т. 1. С. 42–58.
- Лишаев С.А. Эстетика простора (простота, пустота, чистота, воля) // Вестник Самар. гуманитар. академии. Сер. «Философия. Филология». 2007. № 2. С. 134–143. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.phil63.ru/estetika-prostora>.
- Макарова Е.А. Лексическая репрезентация концепта *цвет*: от словаря – к тексту // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 166–179.
- Митрофанова О.И. Сравнительный анализ концепта «воля» в поэзии А.С. Пушкина и П.А. Вяземского // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 164–168.
- Тэффи. Воля // Сатира и юмор первой половины XX века. М., 2003. С. 75–81.
- Петровых Н.М. Концепты *воля* и *свобода* в русском языковом сознании // Изв. Урал. гос. ун-та. 2002. № 4. С. 207–217.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Концепты и межкультурная коммуникация. (Рец. на кн.: Межкультурная коммуникация: Учебное пособие / Под ред. проф. В.Г. Зусмана. Нижний Новгород, 2001. 314 с.) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2002. № 3.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2003.
- Федотов Г. Россия и свобода: Сборник статей. New York, 1981.
- Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002. С. 344–346.